

чину этого своеобразия сказки надо искать не в «искажении» какого-то первоначального сюжета с помощью западных образцов, а в том, что и сама-то сказка о петухе и лисице есть сравнительно поздно усвоенная книжная повесть. К обоснованию этого вывода я и перехожу, но предварительно следует несколько остановиться на вопросе об отношении нашего сюжета к тому «западно-европейскому животному эпосу», на который ссылаются и Веселовский, и Колмачевский, и Бобров. Все они разумеют под ним для данного случая роман о Ренаре, как аналогию сюжету о лисе-исповеднице. Но действительно ли эта аналогия так близка, что можно серьезно ставить вопрос о заимствовании?

В романе о Ренаре столкновение его с Шантеклером лишь одним напоминает нашу повесть-сказку: и там Ренар обманом овладевает петухом, обманом же последний и спасается от него. Но в западном животном эпосе лиса не исповедует — она сама исповедается в своих грехах. Дерево в романе о Ренаре — это не то место, откуда Ренар сманивает петуха, а то, куда он спасается от него. То немногое, что роднит нашу сказку с романом о Ренаре, не составляет исключительной принадлежности этого романа: сходные мотивы мы найдем и в баснях Эзопа, которые, как известно, хорошо были знакомы на Руси с начала XVII в., между тем как о переводе романа о Ренаре мы не имеем никаких сведений. Поэтому нет никакой надобности связывать непосредственно нашу повесть — сказку о куре и лисице с романом о Ренаре: повесть для своего оригинального и связанного с русской действительностью сатирического замысла воспользовалась басенной схемой, а содержание устной сказки целиком покрывается этой повестью. В дальнейшем анализе русской сказки я отхожу поэтому от шатких предположений о связи ее с западно-европейским животным эпосом и попытаюсь объяснить ее происхождение из вполне реального книжного материала, который, между прочим, сразу дает оригинал чуждого роману о Ренаре образа лисы-исповедницы.¹

Все сказочные варианты, несмотря на различный объем их, разную манеру рассказа, далеко неодинаковую сохранность, объединяются, несомненно, общим источником — прозаической повестью о куре и лисице, притом той особой редакции, где рассказ кончается тем, что кур спасается от лисы и издевается над ней (см. О. XVII. 57). Если мы исключим из двух вариантов — Ончукова и Никифорова — поздние и, видимо, сравнительно

¹ Обширная область западных и восточных фабль не дает ничего, кроме отдаленных параллелей к сюжету повести сказки о куре и лисице, поэтому в вопросе о происхождении нашего сюжета может быть оставлена в стороне.